

ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обзоріе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 20

Понедѣльникъ, 2 (15) октября 1906 г.

№ 20

Бунтъ Беніовскаго.

Побѣги изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ Сибиря какъ осужденныхъ за общія преступленія, такъ и политическихъ ссыльных—явленіе весьма заурядное, но, тѣмъ не менѣе, никто и никогда не бѣжалъ изъ ссылки столь торжественно, съ развернутыми знаменами и при грохотѣ орудій, какъ графъ Маврикій-Августъ Самуиловичъ Беніовскій. Исторію этого побѣга я намѣренъ разсказать.

Знатный родъ Беніовскихъ происходилъ изъ Венгріи, но одна изъ его линій поселилась въ Польшѣ. Маврикій родился въ Венгріи въ 1741 г., но бездѣтный его дядя, староста Беніовскій, написалъ его къ себѣ и общалъ съ дѣлать наслѣдникомъ своего состоянія. Беніовскій получилъ прекрасное образованіе, много путешествовалъ, служилъ офицеромъ въ австрійскихъ войскахъ и сражался съ пруссаками во время семилѣтней войны.

Когда въ Польшѣ завязалась Барская конфедерція, Беніовскій присоединился къ ней и далъ письменное обещаніе сражаться до послѣдней капли крови, пока король Полятовскій, навязанный полякамъ Россіею, не будетъ низложенъ, и пока Польша не будетъ освобождена отъ наводнившихъ ее русскихъ войскъ.

Беніовскій получилъ призывъ явиться въ ряды конфедератовъ въ тотъ моментъ, когда только-что повѣнчался съ дочерью помѣщика Генскаго, близъ венгерской границы, и праздновалъ свой медовый мѣсяцъ. Какъ рыцарь, онъ обнялъ на прощаніе жену и отпирался къ конфедератамъ, гдѣ былъ произведенъ въ полковника и начальника всей кавалеріи. Дѣла конфедератовъ были весьма не важны. Остатки ихъ войскъ держались въ

Краковѣ, гдѣ ихъ осаждалъ русскій корпусъ подъ командою сначала графа Панина, а затѣмъ графа Апраксина. Беніовскому удалось одержать нѣсколько блестящихъ побѣдъ надъ разбѣдами, напастъ врасплохъ на Величку, гдѣ онъ конфисковалъ 989 тыс. флоринговъ казенныхъ денегъ.

Но успѣхи Беніовскаго не могли поправить погибшаго дѣла конфедерациі.

Апраксинъ обложилъ Краковъ тѣснымъ кольцомъ. Въ крѣпости ощущался недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, и Беніовскій

взялся доставить туда провіантъ. Во главѣ кавалерійскаго отряда онъ пробился черезъ строй осаждавшихъ и, благодаря поддержкѣ помѣщиковъ, доставилъ большой обозъ всякихъ припасовъ. Однако, провезти его въ крѣпость незамѣтно не было никакой возможности. Тогда онъ рѣшился на такую мѣру: онъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ части и во главѣ большей ударилъ на русскія войска. Онъ дѣйствовалъ смѣло и рѣшительно; Апраксинъ, думая, что на помощь конфедератамъ явилась какая-то армія, стянулъ свои войска и атаковалъ отрядъ. Благодаря этому обозъ, конвоируемый частью солдатъ Беніовскаго, прошелъ благополучно въ Краковъ.

Несмотря на отчаянную храбрость, отрядъ, конечно, былъ разбитъ на голову. Самъ Беніовскій получилъ двѣ раны и попалъ въ плѣнъ къ казакамъ.

Въ 1769 г. Беніовскій въ числѣ другихъ конфедератовъ очутился въ ссылкѣ, въ Казани. Онъ пользовался большимъ успѣхомъ среди мѣстнаго общества.

Однажды къ нему обратились съ предложеніемъ принять участіе въ заговорѣ противъ русскаго правительстна.

Беніовскій отвѣтилъ благородно, что не дѣло военно-плѣнныхъ вмѣшиваться во внутреннія распри чужой страны, и уклонился отъ участія въ конспираціи. Тѣмъ не менѣе, кто-то донесъ мѣстнымъ властямъ, что готовится заговоръ и въ немъ принимаетъ участіе Беніовскій. Командантъ приказалъ арестовать графа. Благодаря „расторопности“, составляющей отличительную черту русскіи руки правосудія современъ Гостомысла, вплоть до побѣга Бѣленцова, онъ уклонился отъ ареста. Какъ оказывается, стража явилась къ нему ночью. Услышавъ стукъ у дверей дома, Беніовскій пошелъ отворять наружныя двери. Офицеръ, принявъ

1) Видъ на горящую улицу отъ площади Викторіи. 2) Развалины церкви на площади Викторіи. 3) На улицѣ Графъ-Авенида. 4) Разруше ные дома въ кварталѣ Ко дель.

Вальпараисо послѣ землетрясенія.

Съ фотографій корреспондента.

его почему-то за хозяина двора, спросил: „Беніовскій дома?“ Тот не растерялся и отвѣтил спокойно: „А гдѣ же ему быть? Спитъ у себя, третью дверь налѣво“. Стража бросилась искать преступника, а Беніовскій спокойно ушелъ къ своему другу, майору русской службѣ, шведу по происхожденію, Виндблату, сосланному за какіе-то проступки въ Казань.

Въ ту же ночь оба они бѣжали пѣшкомъ изъ Казани къ своимъ друзьямъ, русскимъ помѣщикамъ. Тѣ снабдили ихъ платьемъ, деньгами и дорожною. Вѣглецы помчались на почтовыхъ прямо въ Петербургъ, выдавая себя за офицеровъ, отправленныхъ съ важными порученіями въ столицу. Добравшись до Петербурга, Беніовскій и Виндблатъ безъ труда нашли капитана корабля, который согласился за приличное вознагражденіе доставить ихъ въ Швецію. Однако, онъ оказался гнуснымъ предателемъ и донесъ на бѣглецовъ полиціи. Оба товарища были арестованы, заключены въ Петропавловскую крѣпость и преданы суду сената.

На судѣ Беніовскій произнесъ столь блестящую рѣчь, что сенатъ оправдалъ его и постановилъ разрѣшить ему отъѣздъ за границу, взявъ съ него обязательство никогда не поднимать оружія противъ Россіи и не появляться въ ея предѣлахъ. Однако, уже въ это время существовалъ дивный обычай подвергать оправданныхъ по суду административной репрессіи. Беніовскій и Виндблатъ были сосланы на Камчатку.

* * *

„На Камчатку, такъ на Камчатку!—рѣшилъ Беніовскій:—тамъ даже лучше, чѣмъ въ Казани, такъ какъ можно достать корабль и бѣжать въ Европу. Въ свое время я совершилъ нѣсколько морскихъ путешествій и изучилъ недурно мореплаваніе“.

Подъ усиленнымъ конвоемъ Беніовскаго и Виндблата доставили въ Москву, гдѣ къ нимъ были присоединены еще четыре политическихъ ссыльных: гвардіи поручикъ Пановъ, капитанъ пѣхоты Степановъ, полковникъ артиллеріи Ватуринъ и секретарь сената Софроновъ. Товарищи по несчастью вскорѣ подружились и всѣ поклялись другъ другу дѣйствовать заодно и бѣжать сообща по прибытіи на Камчатку.

Беніовскій съ Виндблатомъ были отправлены изъ Петербурга 4-го декабря 1769 г. и прибыли на мѣсто назначенія ровно черезъ годъ. Въ дорогѣ не обошлось безъ особыхъ приключеній. Въ Якутскѣ Беніовскій подружился съ иностранцемъ по происхожденію, докторомъ Гофманомъ. Онъ состоялъ на казенной службѣ и получалъ 1500 р. жалованья, но считалъ свое положеніе ссылкою, такъ какъ былъ переведенъ въ Якутскъ изъ Петербурга.

Беніовскій открылъ другу свои замыслы. Тотъ пришелъ въ восторгъ отъ проекта, просилъ Беніовскаго взять и его съ собою, обѣщая съ своей стороны матеріальную помощь и содѣйствіе.

Спустя нѣсколько дней послѣ отправки ссыльных изъ Якутска, партію догналъ гононецъ отъ тамошняго коменданта и вручилъ начальнику конвоя какія-то бумаги для передачи охотскому начальнику. Ссылнымъ онъ сообщилъ печальную новость, что д-ръ Гофманъ умеръ. Предчувствуя что-то неладное, Беніовскій съ товарищами устроилъ конвою угощеніе. Когда всѣ перепились и заснули мертвецкимъ сномъ, онъ вытащилъ у казакаго сотника полученный имъ только что пакетъ. Оказалось, что якутскій комендантъ писалъ своему охотскому коллегѣ слѣдующее посланіе: „Препровождаемые тебѣ

политическіе ссыльные—негодяи. Я прекрасно относился къ нимъ, предоставилъ имъ въ Якутскѣ полную свободу, а между тѣмъ, оказалось, что они не только рѣшили сами бѣжать изъ ссылки, но и подговорили къ побѣгу моего доктора, Гофмана. Послѣдній заболѣлъ и передъ смертю разсказалъ все одному своему другу, который сообщилъ о заговорѣ. Совѣтую тебѣ не отправлять ссыльных на Камчатку, но посадить ихъ въ тюрьму, сообщить обо всемъ въ Петербургъ и ожидать оттуда распоряженій. Обрати особенное вниманіе на Маврикія Беніовскаго, человека хитраго и зловреднаго. Посылаю тебѣ также бумаги, найденныя у Гофмана; можетъ быть, у тебя найдется кто-нибудь, кто сумѣетъ прочесть ихъ, такъ какъ онѣ написаны на какомъ-то иностранномъ языкѣ.“

Прочитавъ это письмо, Беніовскій сейчасъ же уничтожилъ его и составилъ взамѣнъ его другое. Секретарь сената, Софроновъ, какъ человекъ, владѣющій вполнѣ перомъ и слогомъ, переписалъ его. Письмо гласило: „Рекомендую твоему вниманію препровождаемыхъ тебѣ ссыльных. Узнавъ ихъ ближе во время пребыванія ихъ въ Якутскѣ, я убѣдился, что это люди—благородные и заслуживающіе полного сочувствія, въ особенности Беніовскій, человекъ образованный и прекрасно воспитанный. Ты можешь вполнѣ положиться на него, и онъ не обманетъ твоего до вѣрѣя“.

Такъ какъ бумаги Гофмана не заключали ничего компрометирующаго компанію, то онѣ были положены обратно въ сумку вмѣстѣ съ подложнымъ письмомъ.

* * *

Ссылные пользовались въ Охотскѣ полною свободою и сами настояли на томъ, чтобы ихъ отправили поскорѣе на Камчатку, такъ какъ боялись, что ихъ фортель можетъ обнаружиться. Они были посажены на корабль и отправлены въ Вольшерѣцкъ моремъ. Тутъ Беніовскій впервые обнаружилъ свои морскіе таланты. Разразилась буря. Капитанъ и его помощникъ пьянствовали передъ тѣмъ непробудно и оказались совершенно невмѣняемыми. Тогда Беніовскій принялъ команду надъ экипажемъ и, благодаря его распоряженіямъ, корабль избѣжалъ неминуемой гибели. Когда буря притихла, оказалось, что мореплаватели находятся вблизи береговъ Кореи. Беніовскій сталъ убѣждать экипажъ захватить въ одинъ изъ корейскихъ портовъ, но въ это время вѣтеръ измѣнилъ направленіе, и корабль поплылъ къ берегамъ Камчатки.

По прибытіи на мѣсто назначенія въ Вольшерѣцкъ, Беніовскій вскорѣ приобрѣлъ расположеніе главнаго управителя Камчатки, добродушнаго взяточника Нилова. Этимъ онъ былъ обязанъ знанію языковъ и искусной игрѣ въ шахматы. Губернаторъ поручилъ Беніовскому преподавать языки его дѣтямъ. Какъ оказывается, до изобрѣтенія винта чиновники и купечество въ медвѣжьихъ углахъ превратили шахматы въ азартную игру, играя въ 300—500 р. партію. Беніовскій оказался лучшимъ шахматистомъ на Камчаткѣ и благодаря этому не только былъ принятъ въ тамошнемъ обществѣ, но выигрывалъ крупныя суммы денегъ. Но онъ не упускалъ изъ виду своей главной цѣли.

Въ Вольшерѣцкѣ оказалось нѣсколько десятковъ политическихъ ссыльных, среди нихъ были офицеры, сосланные во время государственныхъ переворотовъ, которыми столь изобиловалъ XVIII вѣкъ, чиновники, много иностранцевъ и т. д. Они жили въ особой свободѣ за городомъ. Ссылнымъ выдавались казенные ружья, фунтъ пороха, пика,

топоръ, инструменты для постройки избы и продовольствіе на три дня. Взамѣнъ этого они были обязаны доставить въ острогъ ежегодно мѣховъ на сто рублей, и каждый изъ нихъ былъ обязанъ являться туда разъ въ недѣлю на дежурство при канцеляріи.

Беніовскій, поселившись среди звѣролововъ, сейчасъ же приобрѣлъ въ ихъ средѣ общія симпатіи и авторитетъ, былъ избранъ ихъ старостою. Онъ сообщилъ кое-кому изъ поселенцевъ о своихъ планахъ, и многіе изъ нихъ объявили желаніе присоединиться къ его компаніи. Какъ парламентаристъ, Беніовскій составилъ немедленно уставъ общества освобожденія. Всѣ участники обязывались клятвою направить всѣ свои усилія къ изисканію средствъ для побѣга и безпрекословно подчиняться волѣ общаго собранія. Всѣ дѣла рѣшались общимъ совѣтомъ. За измѣну открытію кому-либо плановъ общества угрожалась смертная казнь. Ей же подлежалъ предсѣдатель въ случаѣ, если бы оставилъ общество на произволъ судьбы и занялся устройствомъ только собственныхъ дѣлъ. Предсѣдателемъ общества былъ избранъ Беніовскій. Число членовъ вскорѣ достигло 80 человекъ.

* * *

Обстоятельства благопріятствовали плѣннымъ. Въ Беніовскаго влюбилась дочь коменданта, Анастасія. Отецъ, узнавъ объ этомъ, пришелъ въ ярость, но скоро успокоился и далъ свое согласіе на помолвку Беніовскаго съ его дочерью. Беніовскій былъ переведенъ изъ ссыльных въ разрядъ свободныхъ гражданъ на основаніи указа Петра Великаго, допускавшаго подобную мѣру въ награду за особыя услуги правительству. Будущій тестъ опредѣлялъ его на службу, и Беніовскій сталъ секретаремъ правителя Камчатки. Помолвка чуть не стоила ему жизни. Товарищи, узнавъ о примѣненіи къ Беніовскому вышеозначеннаго указа, полагали, что это—награда за открытіе Нилова плана побѣга, и рѣшили убить Беніовскаго. Они уже арестовали его и приготовили кубокъ съ ядомъ, но все объяснилось, и авторитетъ предводителя еще увеличился. Беніовскій открылъ въ Вольшерѣцкѣ школу, гдѣ преподавалъ желающимъ языки и математику. Этимъ путемъ онъ приобрѣталъ нѣкоторые средства, но главный источникъ его доходовъ составляла по прежнему игра въ шахматы. На эти деньги покупалось оружіе и порохъ.

Въ качествѣ секретаря, Беніовскій сопровождалъ Нилова во время „служебной“ поѣздки по Камчаткѣ. Начальство творило судъ и расправу, но главная цѣль поѣздки заключалась въ сборѣ отъ туземныхъ старостъ сильныхъ подношеній. По подсчету Беніовскаго поѣздка доставила Нилову свыше 7,000 рублей. Обществу угрожала въ это время страшная опасность. Одинъ изъ ссыльных, Леонтьевъ, рѣшилъ довести до свѣдѣнія начальства о заготовкѣ обществомъ оружія и пороха и о приготовленіяхъ къ побѣгу. Онъ выѣхалъ изъ Вольшерѣцка вслѣдъ за Ниловымъ, но открылъ свои намѣренія одному изъ товарищей. Этого послѣдній, не имѣя возможности воспрепятствовать измѣннику исполнить его намѣреніе, поднесъ ему рюмку водки съ ядомъ. На Камчаткѣ былъ весьма распространенъ въ тѣ времена подобный способъ отдѣлываться отъ неблагожелателей. Самому Беніовскому поднесъ ядъ одинъ изъ его партнеровъ, у котораго онъ выигралъ крупную сумму въ шахматы, и онъ еле спасся при помощи оленьяго молока.

Леонтьевъ не успѣлъ догнать Нилова. Чувствуя себя страшно нездоровымъ, онъ остановился на одной изъ станцій и изложилъ свой доносъ письменно, отправивъ его съ на-

рочнымъ. Онъ одного не предусмотрѣлъ: бумага получалъ и вскрывалъ Беніовскій, который уничтожилъ его письмо. Леонтьевъ умеръ, унося въ могилу свою тайну.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на строжайшія мѣры, принимаемыя заговорщиками для сокрытія своихъ плановъ, въ воздухѣ носились слухи о какихъ-то приготовленіяхъ серьезныхъ. Чтобы положить конецъ всѣмъ этимъ толкамъ, Беніовскій обратился къ Нилову съ предложеніемъ устроить на югѣ Камчатки, вблизи мыса Лопатки, земледѣльческую колонію. Управителю очень понравился этотъ планъ, и онъ командировалъ Беніовскаго для производства изысканій. Тотъ отправился въ экспедицію, нашелъ подходящее мѣсто для устройства колоніи, разработалъ детально проектъ, начерталъ планы и представилъ все это Нилову. Последній былъ въ восторгѣ отъ проекта, сказалъ Беніовскому, что обо всемъ будетъ доведено до свѣдѣнія императрицы, и что она, несомнѣнно, не оставитъ его безъ большой награды, если ему удастся развести на Камчаткѣ хлѣбные злаки.

Съ тѣхъ поръ сыльные вели свои приготовления почти открыто, во все-таки ихъ удача объясняется, въ концѣ концовъ, рѣдкимъ добродушіемъ и халатностью властей. Нѣсколько разъ замыслы Беніовскаго были почти вполнѣ раскрыты, но онъ изворачивался всегда благодаря присутствію духа и находчивости. Особенно много хлопотъ причинилъ ему женщины. Одинъ изъ заговорщиковъ былъ влюбленъ въ горничную Анастасію Нилову и сталъ убѣждать ее бѣжать вмѣстѣ съ нимъ въ Европу. Дѣвушка рассказала обо всемъ своей барышнѣ, и та устроила Беніовскому надлежащую сцену. Впрочемъ, съ невѣстою сыльный графъ справился быстро. Онъ убѣдилъ ее бѣжать съ нимъ и эта перспектива даже очень понравилась Анастасіи Нилову.

Гораздо опаснѣе былъ второй случай. За одной казачкой ухаживали одинъ изъ заговорщиковъ и племянникъ помощника Нилова. Заговорщикъ рассказалъ о своихъ планахъ невѣстѣ, но ихъ разговоръ подслушалъ его соперникъ и сообщилъ обо всемъ дядѣ. Тотъ вызвалъ Беніовскаго и предложилъ ему вопросъ, что это все значитъ. Беніовскій уже зналъ обо всемъ, подготовилъ заблаговременно свидѣтелей, при помощи которыхъ доказалъ, что во всей исторіи нѣтъ ничего болѣе, кромѣ ссоры изъ-за женщины. Онъ самъ рассказалъ обо всемъ Нилову, и тотъ, повидимому, удовлетворился его объясненіями.

Тѣмъ не менѣе, на слѣдующій день Беніовскій получилъ свѣдѣнія о томъ, что Ниловъ выѣхалъ по направленію къ Нижнекамчатску для производства разслѣдованія по поводу смерти Леонтьева.

Положеніе становилось критическимъ. Беніовскій созвалъ военный совѣтъ. Быле рѣшено защищаться до послѣдней капли крови и стараться пробраться къ морю, гдѣ находился въ это время корабль „Св. Петръ и Павелъ“. Съ его капитаномъ уже велись переговоры, и онъ соглашался не препятствовать Беніовскому овладѣть судномъ. Среди экипажа находилось десять человѣкъ заговорщиковъ, поступившихъ туда въ качествѣ матросовъ. Сыльнымъ было роздано оружіе, и всѣ были распределены по мѣстамъ на случай нападенія на свободу. Планъ защиты ея былъ выработанъ заблаговременно.

Вернувшись изъ побѣды, Ниловъ пригласилъ къ себѣ Беніовскаго обѣдать, но одновременно Анастасія прислала ему съ горничной красную ленту, условный знакъ, что положеніе опасно. Беніовскій сказалъ человѣку, что онъ нездоровъ и прійти не можетъ. Спустя нѣкоторое время, Ниловъ прислалъ за

нимъ десятника съ четырьмя казаками, который объявилъ, что если онъ не пойдетъ добровольно, то его возьмутъ силою. Беніовскій завлекъ казаковъ хитростью въ свой домъ, гдѣ на нихъ набросились неожиданно заговорщики, обезоружили ихъ и заперли въ подвалѣ. Тогда за Беніовскимъ явился самъ казачій атаманъ съ нѣсколькими казаками. Онъ по-дружески сталъ убѣждать его не дѣлать глупостей, отправиться къ начальнику, объясниться, и все уладится, пройдетъ благополучно. Беніовскій вступилъ въ переговоры съ атаманомъ, съ которымъ до того былъ друженъ и неоднократно игралъ въ шахматы, завлекъ его въ засаду, гдѣ заговорщики арестовали его и его казаковъ.

Видя, что дѣло плохо, Ниловъ отправилъ противъ бунтовщиковъ почти всѣхъ своихъ солдатъ при двухъ пушкахъ и велѣлъ имъ взять во что бы то ни стало свободу. Пользуясь наступленіемъ вечера и темнотою, заговорщики устроили нападавшимъ столь яростную встрѣчу, что обратили ихъ въ бѣгство и овладѣли орудіями. Не придавая особеннаго значенія этой побѣдѣ, Беніовскій рѣшилъ дѣйствовать, понимая прекрасно, что днемъ его раздавятъ въ одну минуту. Число заговорщиковъ не превышало ста человѣкъ. Правда, среди нихъ была опытные боевые офицеры, но гарнизонъ острога составлялъ 250 человѣкъ, и въ посадѣ проживало около 700 человѣкъ казаковъ. Открытая борьба при такихъ условіяхъ была бы безуміемъ, но Беніовскій надѣялся на быстроту и натискъ. Воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что солдаты бѣжали не въ крѣпость, а въ противоположную сторону, онъ смѣло вмѣстѣ съ пушками двинулся со всѣми людьми по направлению къ острогу. Стража, увѣренная, что это возвращается отрядъ, посланный для усмиренія свободы, опустила сводной мость, и заговорщики ворвались въ острогъ. Началось изобіеніе застигнутыхъ врасплохъ солдатъ. Отрядъ подступилъ къ комендантскому дому. Пока люди ломали входныя двери, Беніовскій пробрался въ домъ въ окно и бросился въ комнату къ Нилову. „Сдавайтесь, иначе вы погибнете!“ — „Я погибну“, — сказалъ старый взяточникъ, умѣвшій, однако, умирать, — „но сначала убью тебя“. Онъ выстрѣлилъ изъ пистолета, ранивъ Беніовскаго въ плечо, набросился на него. Когда они боролись, раздался взрывъ. Заговорщики взорвали пороховыя двери комендантскаго дома и, съ поручикомъ Пановымъ во главѣ, ворвались въ комнату, гдѣ Ниловъ душилъ Беніовскаго. Однимъ выстрѣломъ Пановъ положилъ на мѣстѣ Нилова.

Тѣмъ временемъ казаки и остатки гарнизона, хотя и лишенные офицеровъ, захваченныхъ въ плѣнъ заговорщиками, опомнились и атаковали острогъ. Бунтовщикамъ пришлось плохо. Они стали отступать, и большая часть острога оказалась въ рукахъ казаковъ. Выручили пушки, мѣткій огонь которыхъ заставилъ казаковъ отступить. Они покинули острогъ, расположились лагеремъ въ полѣ, рѣшили ждать утра и тогда расправиться съ бунтовщиками.

Но и Беніовскій не дремалъ. Онъ отправилъ сильный отрядъ въ казачью свободу, гдѣ не оставалось мужичинъ, и приказалъ имъ взять въ плѣнъ побольше женщинъ и дѣтей. Отрядъ исполнилъ прекрасно порученіе и доставилъ въ острогъ свыше тысячи женщинъ и дѣтей. Беніовскій помѣстилъ ихъ всѣхъ въ церкви и приказалъ обложить ее со всѣхъ сторонъ кучами хвороста и разными легко воспламеняющимися матеріалами. Для большаго эффекта въ церкви былъ положенъ трупъ Нилова. Къ казакамъ были отправлены парламентары съ объявленіемъ, что если они

немедленно не отступятъ на приличное разстояніе отъ крѣпости и не припишутъ заложниковъ, то церковь будетъ подожжена, и ихъ жены и дѣти погибнутъ въ огнѣ.

Наступило утро. Казаки медлили отвѣтомъ, часть ихъ раздумывала, часть пошла въ атаку. Тогда Беніовскій приказалъ зажечь часть хвороста. Клубы дыма взвились къ облакамъ. Женщины и дѣти подыали неистовый вой, казаки не выдержали, замахали платками и согласились на всѣ условія.

Беніовскій преспокойно нагрузилъ на корабль 8 пушекъ, массу оружія и пороха, 22 туши посланныхъ медвѣдей, всѣ мѣха, оказавшіеся въ казенномъ складѣ, конфисковалъ казначейство. Подъ его начальствомъ бѣжало 96 сыльныхъ. 11-го мая 1771 г., послѣ полугоднаго пребыванія на Камчаткѣ, Беніовскій поднялъ на кораблѣ „Св. Петръ и Павелъ“ флагъ польской конфедераціи, произвелъ салютъ въ 21 пушечный выстрѣлъ и торжественно отплылъ. Онъ достигъ Франціи послѣ многихъ приключеній и похороженій, о которыхъ поговоримъ въ другой разъ, равно какъ о дальнѣйшей судьбѣ знаменитаго авантюриста.

Сопровождала-ли его Анастасія Нилова — преданіе умалчиваетъ, и, повидимому, эту дѣвушку постигла судьба Медузы, Ариадны, или возлюбленной Кавказскаго плѣнника. Ея исторія доказываетъ лишній разъ, что всѣ мужчины — „измѣнщики и обманщики“.

В. Цѣховскій.

Наканунъ отечественной войны.

Вновь открытая страничка русской исторіи.

Наканунъ отечественной войны, 19-го мая 1812 года герцогъ Веймарскій, Карлъ-Августъ, явился въ Дрезденъ для свиданія съ Наполеономъ I. Его появленіе было вызвано двумя причинами: во-первыхъ, необходимою сдѣлать, подобно другимъ владѣтельнымъ князьямъ, визитъ пребывающему въ Германіи Наполеону, который, къ тому же, не особенно благосклонно къ нему относился, что было завѣдомо ясно; а во-вторыхъ, — желаніемъ угодить императору Александру I, который поручилъ своей сестрѣ Маріи Павловнѣ сообщить Наполеону, въ случаѣ его пріѣзда въ Веймаръ, что онъ, Александръ I, никакой войны не желаетъ, никакихъ союзниковъ не имѣетъ и съ Англіей никакимъ договоромъ себя связывать не намѣренъ.

А такъ какъ Наполеонъ и не думалъ побывать въ Веймарѣ, то великая княгиня, при всемъ желаніи, никакъ не могла исполнить порученія своего брата. Между тѣмъ герцогу Карлу-Августу, женатому на сестрѣ Александра I-го, было извѣстно, что Наполеону очень бы хотѣлось знать о намѣреніяхъ русскаго императора. Исполняя порученіе, данное его невѣсткѣ, герцогъ могъ оказать, не унижая себя, довольно крупную услугу двумъ могущественнымъ монархамъ и даже обязать Наполеона нѣкоторой благодарностью...

Наполеонъ прінялъ Карла-Августа безъ свидѣтелей, со всѣми знаками дружескаго вниманія, и бесѣдовалъ съ нимъ съ глазу на глазъ цѣлый часъ.

На другой же день герцогъ записалъ „для памяти“ свою историческую бесѣду, подъ заглавіемъ: *Résumé de la conversation de L'Empereur Napoléon à Dresde le 19 mai 1812*, и лишь на-дняхъ этотъ цѣнный историческій документъ извлеченъ изъ семейнаго архива веймарскихъ герцоговъ Германомъ Эглофштейномъ и напечатанъ въ послѣдней книжкѣ „Deutsche Rundschau“ (Берлинъ).

Приводимъ дословный переводъ памятной записки герцога Карла-Августа.

„Мнѣ показалось, что его величество императоръ желалъ побесѣдовать о причинахъ его раздора съ Россіей. Императоръ началъ съ того, что освѣдомился о состояніи великой княгини (Маріи Павловны), а затѣмъ сталъ жаловаться, что Россія стягиваетъ войска къ границамъ великаго герцогства (Варшавскаго), и это наводитъ его на подозрѣнія, что у Россіи имѣются огромные планы. Цѣли ихъ обозначились довольно явственно въ двухъмысленномъ отзывѣ по поводу захвата императоромъ Наполеономъ Ольденбургскаго герцогства. Сверхъ того, императоръ Александръ воспретилъ ввозъ французскихъ товаровъ особымъ указомъ, стиль котораго еще оскорбительнѣе, чѣмъ возмѣщаемая имъ мѣра, а тѣмъ временемъ въ Рос-

Муширъ-ед-Довла, Азидъ-есъ-Султанъ, Е. В. Шахъ, Наибъ-есъ-Султанъ, новый великій визирь, наследникъ персидскаго престола, министръ двора.

Парламентаризмъ въ Персіи. — Засѣданіе совѣта министровъ, подъ председательствомъ шаха Музафферъ-Эддина, посвященное разработкѣ основныхъ законовъ.

сіи устроены склады колоніальныхъ товаровъ, которыми можно завалить весь континентъ. По поводу всего этого императоръ Наполеонъ требуетъ объясненія, а Россія у него не желаетъ его давать или отвѣчаетъ крайне уклончиво и все продолжаетъ сосредоточиваться на границахъ варшавскаго герцогства.

Императоръ сказалъ еще, что между Россіей и Франціей (не помню только—когда, можетъ быть, при заключеніи вѣнскаго мира) велись переговоры относительно участи Польши. Россія требовала тогда, чтобы саксонскій король, въ качествѣ великаго герцога варшавскаго, не жаловалъ болѣе ордена Бѣлаго Орла, чтобы самое имя Польши не произносилось, и чтобы императоръ Наполеонъ обязался никогда не возстановлять польскаго государства.

— Это слово „никогда“,—сказалъ его

Парламентаризмъ въ Персіи. — Первое засѣданіе персидскаго парламента подъ председательствомъ шаха.

Игра въ лото въ Римъ.

1 и 2) Женщины, идущія ночью съ факелами къ кладбищенскимъ воротамъ, чтобы просить у покойниковъ счастья въ игрѣ. 3) Игроки заявляютъ въ конторѣ лото свои нумера и получаютъ вѣщанціи. 4) Розыгрышъ и выставка пяти выигравшихъ нумеровъ въ отдѣленіи государственнаго банка. 5) Стичка между игроками и чиновниками государственнаго лото по поводу выигравшихъ нумеровъ. 6) Мальчикъ-сирота, съ завязанными глазами, тянетъ нумера изъ «колеса счастья» при розыгрышѣ лото.

величество: — вовсе не дипломатический терминъ, да и ни въ какомъ случаѣ служить имъ не можетъ...

Поэтому Наполеонъ и отказался отъ обязательства на вѣки-вѣчныя, на томъ основаніи, что все земное существуетъ лишь въ теченіе опредѣленнаго времени и зависитъ отъ любой случайности.

Благодаря всему, что сдѣлано или допущено Россіей со времени эрфуртскаго конгресса, событія доведены до той точки, на которой остановились теперь, — другими словами, императоръ Наполеонъ видитъ себя вынужденнымъ отказаться отъ своего первоначальнаго намѣренія: ити весной въ Испанію и кончить тамъ войну однимъ ударомъ; онъ отозвалъ съ пути свою свиту и гвардію, оставилъ въ Испаніи всего только 200,000 человекъ и теперь обратитъ все свои силы противъ Россіи, куда онъ поведетъ за собой Австрію и Пруссію. Его величество колебался заключить союзъ съ турками, пока не убѣдился, что война съ Россіей неизбежна.

— Если я буду побить, — сказалъ императоръ, — война будетъ долгой и ужасной. А если счастье будетъ на моей сторонѣ, Россія лишится принадлежащей ей части Польши, а затѣмъ Молдавію, Валахію и лучшихъ своихъ провинцій, такъ какъ, вѣдь, надо же мнѣ поддержать Польшу, которая за меня поднимается. Такъ же я поступлю и съ Галиціей.

Наполеонъ былъ удивленъ принятыми Россіей воинственными мѣрами:

— Гдѣ вы видѣли подобныя приготовления? И все это для того, чтобы потомъ назвать войну оборонительной! Во всякой войнѣ выгода на сторонѣ того, кто нападаетъ. Если со мной желаютъ воевать, такъ пусть потопляться, пусть нападаютъ на меня. Такъ поступила Австрія: она думала застать меня врасплохъ, и я хвалю ее за это. Я ненавижу полумѣры. Онѣ опасны для государства, которое примѣняетъ ихъ, рѣшаясь на войну и неприступая къ ней тотчасъ же. Онѣ являются вѣрнымъ признакомъ слабости, отсутствія связи въ мысляхъ.

Кто колеблется между волей и неволей, тому грозитъ опасность принять войну какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ больше всего надѣялся ея избѣжать... Поняли вы, что я говорю? Уловили вы мою мысль? Если вы собираетесь послать депешу великой княгинѣ (Маріи Павловнѣ), то можете написать ей все это.

Я отвѣтилъ замѣтить, что, можетъ быть, Россія хочетъ придать своему желанію мира особый отбѣнокъ, воздерживаясь отъ рѣшительныхъ дѣйствій, которыя, въ данный моментъ, менѣе чѣмъ въ два мѣсяца отдали бы въ ея власть все великое герцогство варшавское до самой Вислы. И это наводитъ меня на мысль, что императоръ Александръ не желаетъ войны.

— Да, — отвѣчалъ Наполеонъ. — Я тоже не думаю, чтобы онъ желалъ, да и самъ не желаю никакой войны. Я вѣдь ихъ слишкомъ достаточно и очень охотно избѣжалъ бы дальнѣйшаго кровопролитія, но какое же соглашеніе возможно теперь? Я уже истратилъ отъ 300 до 400 милліоновъ, и дѣло сводится уже къ одному: защитить честь той высшей власти, которая была бы оскорблена, если-бы столь бьющіе въ глаза шаги не повели къ великимъ событіямъ. Какимъ образомъ, думаете вы, можетъ возстановиться доброе согласіе послѣ всего, что произошло?

Я возразилъ, что мнѣ извѣстна личная склонность, которую съ нѣкоторыхъ поръ питаютъ другъ къ другу величайшіе монархи

земного шара, и, благодаря этому, дружеское соглашеніе, можетъ быть, окажется менѣе труднымъ, чѣмъ полагаютъ въ кругахъ менѣе освѣдомленныхъ.

— Лично императора Александра я люблю, — отвѣчалъ Наполеонъ. — У него выдающіяся способности, духъ, знаніе, здравый смыслъ, но у него нѣтъ великихъ идей, и въ его взглядахъ есть что-то порывистое, какіе-то скачки. Сверхъ того, онъ своенравенъ, вы замѣтили? Въ Эрфуртѣ я часто раздражался изъ-за него, но это не дѣлало его податливымъ. Съ нимъ очень трудно имѣть дѣло. Образовалось нѣсколько партій съ специальною цѣлью поспорить насъ съ нимъ. Можетъ, тутъ замѣшались женщины, горячія головы. Въ Петербургѣ господствуетъ англійскій духъ.

Долго прикидывалъ я и боролся самъ съ собой: сказать или не сказать Наполеону о томъ письмѣ, которое написалъ императоръ Александръ своей сестрѣ, и о тѣхъ увѣреніяхъ, которыя она должна была передать въ случаѣ пріѣзда Наполеона въ Веймаръ. Мое сердце, наконецъ, вышло мнѣ убѣжденіе, что умолчаніе объ этомъ было бы заслуживающей всякаго упрека оплошностью, такъ какъ гораздо хуже не сказать того, что ведетъ ко благу, чѣмъ даже сдѣлать прямое зло.

Наконецъ, я собрался съ духомъ и сказалъ императору:

— Государь, такъ какъ Ваше Величество проявило ко мнѣ столь милостивую доброту и пожелало оказать мнѣ столь великое довѣріе, то я пріемлю за долгъ увѣдомить васъ, что императоръ Александръ поручилъ своей сестрѣ, которая въ Веймарѣ, сказать вамъ, если бы вы проѣздомъ посѣтили этотъ городъ, что его величество не желаетъ войны, что у него нѣтъ никакихъ союзниковъ и что съ Англіей онъ не вступилъ ни въ какіе переговоры.

— Благодарю васъ, — возразилъ Наполеонъ. — Я тоже не желаю войны, но какъ все это распутать, когда все такъ запуталось?

— Можетъ быть, личнымъ свиданіемъ, разговоромъ съ императоромъ Александромъ?

— Это очень трудно: мы зашли слишкомъ далеко.

— Только отъ вашего величества будетъ зависеть разсѣять мракъ, который насъ окружаетъ. Вашъ высокопарійскій геній найдетъ для всего цѣлительное средство.

— Я желаю бы этого. Посмотримъ...

Это лишь сотая часть того, что сказалъ мнѣ императоръ, — самое интересное въ бесѣдѣ, которая, впрочемъ, была интересна съ начала до конца. Наполеонъ проявилъ при этомъ ясность, точность и такую широту ума, что приходишь невольно въ изумленіе.

*

Изъ прошлаго.

У подножія вистлицы.

Небезызвѣстный въ Варшавѣ журналистъ Ф. Я. Конъ рассказываетъ въ послѣдней книгѣ „Былого“ заключительную статью громкаго процесса польской социалистической партіи „Пролетаріатъ“.

„День 15-го (27-го) января 1885 года навсегда будетъ памятенъ всѣмъ, осужденнымъ по дѣлу польской социалистической партіи „Пролетаріатъ“.

Со времени объявленія приговора прошелъ уже сорокъ одинъ день. Для всѣхъ было ясно, что всѣ ухищренія военной прокуратуры и военнаго суда не привели ни къ чему. Петербургъ не поддавался на аргументы, по которымъ польская социалистическая партія „Пролетаріатъ“ заключила союзъ съ „Народ-

ной Волей“, а „Народная Воля“ — это та партія, которая совершила ужасное злодѣяніе 1-го марта 1881 года, слѣдовательно, всѣ участники „Пролетаріата“ подлежатъ смертной казни черезъ повѣшеніе...

Для суда, получавшаго прямые предписанія отъ Гурко, такіе аргументы не только были, но и должны были быть убѣдительны... но казнить въ то время 29 человекъ въ Варшавѣ было немыслимо... Военному суду пришлось отдѣлать козловъ отъ агнцевъ, для послѣднихъ изобрѣсти „смягчающія вину обстоятельства“, въ нѣкоторыхъ случаяхъ до того нелѣпыя, что вызывали улыбку: старикамъ смягчалось наказаніе „по молодости лѣтъ“ (случай съ Білохомъ, Дегурскимъ, Форминскимъ и другими); организаторамъ, вдохновителямъ, многотѣпнымъ борцамъ — „по легкомыслию“ и т. д.

Въ итогѣ такого отбора получилось всего шесть смертныхъ приговоровъ. Приговоры эти имѣли опредѣленную цѣль: терроризированіе соотвѣтственныхъ общественныхъ сферъ. Для устрашенія университетской молодежи приговорили къ смерти студента-путейца Станислава Куницкаго; смертный приговоръ, вынесенный русскому коронному мировому судѣ, Петру Васильевичу Бардовскому, долженъ былъ устрашить чиновничью среду; приговоръ надъ военнымъ инженеромъ, капитаномъ Николаемъ Адольфовичемъ Люри, преслѣдовалъ ту же цѣль относительно военной среды. Наконецъ, для устрашенія рабочихъ были избраны жертвы въ лицѣ Яна Петрусинскаго, рабочаго-ткача изъ Згержа, Михаила Оссовскаго, рабочаго изъ Варшавы, и Юсефа Шмауса, рабочаго изъ Лодзи. Въ этихъ трехъ городахъ рабочее движеніе было особенно сильно.

— Я, — говоритъ г. Конъ, — не стану описывать того впечатлѣнія, какое произвели эти приговоры на насъ, остальныхъ, которыхъ сѣ чапа миновала.

Первые дни были невыносимо тяжелы... Приговоренныхъ къ смерти нельзя было оставлять однихъ, и мы такъ размѣстились по камерамъ, что на одного приговореннаго къ смерти приходилось двое не приговоренныхъ...

Со мной и съ Адамомъ Сброшевскимъ (двоюроднымъ братомъ извѣстнаго этнографа и беллетриста, Вацлава Сброшевскаго) сидѣлъ Петрусинскій... Никогда въ жизни не выйдеть у меня изъ памяти одна короткая фраза, случайно, не помню уже по какому поводу, сказанная имъ:

— Какъ бы я хотѣлъ полюбить!.. Никогда еще я никакой женщины не любилъ и совершенно не могу себѣ представить этого чувства...

Вѣдное, замученное дитя! Ему такъ и не пришлось испытать этого чувства! Но такіе моменты тоски и угнетенія случались рѣдко... Мы прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы устранять малѣйшій поводъ къ нимъ, и намъ это удавалось блестяще. Мы организовали лекціи для рабочихъ, общія чтенія, отвоевали себѣ право общихъ прогулокъ, устраивали хоровыя пѣнія, и за занятіями, за развлеченіями время шло быстро...

Прошла третья недѣля, четвертая, пятая... Уже была на исходѣ шестая!.. Тяжелый кошмаръ, давившій насъ столько времени, разсѣялся... Всѣ были веселы, шутили, шалили, какъ школьники...

Такое настроеніе царило въ X павильонѣ и 15-го января...

Насъ позвали на прогулку. Съ юношескимъ гикомъ, смѣхомъ, шутками мы выбѣжали на тюремный дворъ.

День былъ морозный, свѣтлый. Скованный морозомъ, играющій на солнцѣ снѣгъ такъ манилъ къ себѣ... Кто-то схватилъ комъ

снѣга и бросилъ въ другого... Тотъ отвѣтилъ тѣмъ же. Примѣръ заразительно подѣйствовалъ на другихъ, и мигомъ всѣ эти обреченные на смерть и каторгу, словно дѣти, забыли обо всемъ и съ головою ушли въ игру въ снѣжки. Шумъ, визгъ, хохотъ привлекли на окна товарищей, недавно арестованныхъ и и еще ожидавшихъ рѣшенія своей участи. Посыпались поощренія болѣе ловкимъ, шутки надъ неуклюжими... Мрачный тюремный дворъ сталъ неузнаваемъ...

Полтора часа прогулки промелькнули, словно одна минута. Съ такимъ же шумомъ мы вошли обратно въ тюрьму и разбѣлись по камерамъ. Вскорѣ человѣкъ десять собралось въ камерѣ Куницкаго, который долженъ былъ читать лекцію объ электричествѣ...

Короткій зимній день близился къ концу. Начало смеркаться. Куницкій ужъ кончалъ урокъ, какъ вдругъ въ камеру зашелъ старшій жандармъ и пригласилъ его въ канцелярію...

Въ такомъ приглашеніи не было ничего подозрительнаго. Насъ часто вызывали для подсчетовъ съ завѣдующимъ, для проверки расходовъ, для выдачи писемъ и т. д.

Минуту черезъ десять послѣ этого вызвали Бардовскаго...

Мы насторожились. Чудилось что-то недоброе. Одно, единственное слово, какъ бы винтомъ, сверлило мозгъ...

Шлиссельбургъ!

Пришли за Осовскимъ...

Это путало, сбивало... Въ Шлиссельбургѣ обыкновенно отправляли „особенно опасныхъ“, вліятельныхъ, авторитетныхъ... 18-тилѣтній Осовскій таковымъ не былъ, не могъ быть...

Дошла очередь и до Петрусинскаго.... Онъ, какъ и тѣ, ушелъ за жандармомъ, даже не попрощавшись съ нами, безъ шапки, безъ пальто...

Мы терялись въ догадкахъ... Кто-то высказалъ предположеніе, что, вѣроятно, объявляютъ о конфирмаціи и о смягченіи приговоровъ и для этого вызываютъ въ канцелярію...

Да, да, конечно, это такъ! Иначе это необъяснимо...

Время шло. Уведенные жандармами не возвращались.

Мы стучались въ двери, спрашивали жандармовъ, но, кромѣ мертвящаго душу: „не могу знать!“, не могли добиться никакого отвѣта...

Такъ прошло полчаса... Цѣлая вѣчность... Во всѣхъ камерахъ все стихло, застыло, замерло...

Пахнуло смертью...

Мы лежали безъ движенія на койкахъ, не рѣшаясь даже въ мысляхъ строить ужасныя предположенія...

Вдругъ заржавѣвшій замокъ камерной двери заскрежеталъ, щелкнулъ засовъ, и въ камеру вошелъ старшій жандармъ...

— Гдѣ вещи Петрусинскаго?

Мы нагнулись на него съ вопросами. Онъ не отвѣчалъ, и мы, чтобы заставить его, отъказались безъ Петрусинскаго выдать его вещи...

— Онъ все равно сюда не придетъ больше...

— Какъ? Почему?

Опять молчаніе.

Но это заявленіе насъ сразило. Мы больше не сопротивлялись. Жандармы безпрепятственно унесли вещи...

То же повторилось и въ другихъ камерахъ... Страшное подозрѣніе прокралось въ душу.

„Шлиссельбургъ или смерть?“

О, какъ мы желали, чтобы это былъ только Шлиссельбургъ!...

„Только Шлиссельбургъ“... Мы знали

тогда, что такое Шлиссельбургъ, и все-таки молились въ душѣ, чтобы это былъ „только Шлиссельбургъ“.

Объ участи товарищей намъ сообщили завѣдывающій X павильономъ, жандармскій поручикъ Фурса, рѣшившійся только полтора часа спустя явиться къ намъ въ камеры и то подъ прикрытіемъ солдатъ и жандармовъ... Но и подъ этимъ прикрытіемъ онъ трусилъ и въ разговорѣ вскользь упомянулъ о томъ, что въ павильонѣ удвоены караулы на случай протеста съ нашей стороны... Мы въслѣдствіи проверили это сообщеніе. Это оказалось вѣрнымъ... Жандармы даже заготовили веревки, чтобы вязать насъ...

Фурса говорилъ грустнымъ голосомъ, какъ бы сочувствуя жертвамъ, жалѣя ихъ... Но слова его звучали фальшью... Мы не могли съ нимъ говорить...

Совершенно другое впечатлѣніе производилъ комендантъ цитадели, генералъ-лейтенантъ Унковскій. Этотъ честный, благородный старикъ, не разъ воевавшій изъ-за насъ съ жандармами и лакейски послушной имъ прокуратурой, явился къ намъ такой грустный, такой пристыженный, пришибленный, что его отношеніе къ совершившемуся позорному преступленію было для всѣхъ очевидно... Онъ не смѣлъ поднять на насъ глазъ, словно чувствуя себя соучастникомъ этого преступления... А когда, нѣсколько часовъ спустя, этому убѣленному сѣдинами старику было дано приказаніе присутствовать при казни, онъ наотрѣзъ отказался... Говорятъ, даже подалъ немедленно въ отставку, но она не была принята...

А нашихъ товарищей тѣмъ временемъ отвели въ другой конецъ X павильона, посадили сначала въ одиночныя камеры, но затѣмъ на время разрѣшили видѣться другъ съ другомъ...

Казнь производилась варварски, какъ будто съ цѣлью насытиться муками казнимыхъ. Первымъ казнили Куницкаго... Вторымъ казнили Бардовскаго. А двоихъ юношей, почти дѣтей, оставили напоследокъ...

Всѣ четверо геройски встрѣтили смерть и передъ тѣмъ, какъ имъ заслонили головы покрываломъ, громкими восклицаніями протѣстовали свободу...

Осовскій оборвался. Присутствовавшіе при казни жандармы, по ихъ разсказамъ, были увѣрены, что это его спасетъ... Не спасло... Палачъ вторично принялся за дѣло...

Четверть часа спустя крѣпостной врачъ, присутствовавшій при казни, констатировалъ смерть всѣхъ четверыхъ... Ихъ похоронили тутъ же, у крѣпостной стѣны, шагахъ въ пятидесяти-шестьдесяти отъ крѣпостныхъ воротъ, на берегу Вислы...

Было часовъ семь, четверть восьмого... Одинъ изъ насъ, не помню ужъ кто, влѣзъ на окно, желая открыть форточку... Мы помѣщались во второмъ этажѣ... Съ окна былъ виденъ берегъ Вислы...

— Смотрите! Смотрите! — ужаснымъ голосомъ крикнулъ открывавшій форточку.

Мы въ мгновеніе ока уже были съ нимъ рядомъ...

У крѣпостной стѣны возились люди, зарывали могилу, разбирали эшафотъ...

Жандармы готовили намъ страшное зрѣлище... нашихъ товарищей казнили передъ нашими окнами. Если мы не видѣли самой казни, то это ужъ не по ихъ винѣ... Они сдѣлали для этого все, что отъ нихъ зависѣло. Мы не подозрѣвали возможности такого звѣрскаго издѣательства, и это насъ спасло...

Игра въ лото въ Римѣ.

(Къ рисункамъ на стр. 157).

Ни въ одномъ государствѣ такъ не распространена игра въ лото, какъ въ Италіи.

Правительство, пользуясь естественнымъ стремленіемъ бѣднаго класса разбогатѣть и отложить копейку на черный день, сумѣло такъ развить вначалѣ слабое влеченіе народа къ азартной игрѣ, что миллионы людей всѣхъ классовъ общества каждую недѣлю лелѣютъ надежду выиграть цѣлое богатство.

Въ каждой маленькой деревушкѣ имѣется „бюро“ для игры въ лото, гдѣ ставки уменьшены до крайности и придумана слѣдующая система, которая хоть и рѣдко, но все-таки представляетъ возможность большого выигрыша; а именно, — если изъ пяти номеровъ, на которыхъ что-либо поставлено, выйдутъ четыре или что особенно рѣдко, всѣ пять.

Такъ какъ въ барабанѣ для лото расположены отъ 1 до 90 номеровъ, то можно себя представить, какъ трудно дожидаться, чтобы вышла даже терна (3 номера), а не только кватерна (4 ном.) или квинтерна (5 ном.).

Между тѣмъ даже эта ничтожная надежда выиграть на ставку въ 10 центезимовъ нѣсколько тысячъ франковъ, или на 5 или 10 лиръ — цѣлое состояніе, привлекаетъ каждую недѣлю — розыгрышъ бываетъ каждую субботу въ восьми большихъ городахъ Италіи — и маркизу, и ея горничную, учителя гимназій и чистильщика сапоговъ, жену офицера и торговку и даже нищихъ и школьниковъ, въ контору для тиража лото.

Кто когда-нибудь заѣзжалъ въ какой-нибудь итальянскій городъ, тотъ, навѣрное, видѣлъ на любой изъ главныхъ улицъ эти конторы; ихъ легко узнать по пестро раскрашеннымъ государственнымъ гербамъ и надписямъ „государственное лото“ надъ входомъ; тутъ-же вѣдлана въ стѣну деревянная рама съ пятью отдѣленіями, для выставки вышедшихъ номеровъ.

Неуютно и грязно внутри „бюро“. Скучная, поломанная обстановка, плохо одѣтые, ворчливые, скужающіе чиновники...

Публика зорко слѣдитъ за ними, чтобы не было никакаго путаницы въ номерахъ на дощечкахъ, такъ какъ бывали случаи невыдачи большого выигрыша, благодаря отсутствію на дощечкахъ тѣхъ номеровъ, которые были выставлены въ спискѣ выигрышей.

Понятно, что въ игрѣ въ лото играетъ большую роль традиціонное суевѣріе итальянцевъ.

Всѣ явленія и событія всенедвѣной жизни, въ особенности какія-нибудь странныя происшествія, катастрофы и несчастные случаи, имѣютъ, будто бы, вліяніе на извѣстные номера; на нихъ ставятъ иногда послѣдніе деньги цѣлыя мѣстечки и селенія. Напримѣръ, — убійство короля Гумберта, судебное преслѣдованіе министра народнаго просвѣщенія Низи, а также послѣднее изверженіе Везувія принесли казнѣ порядочный убытокъ, потому что послѣ нихъ, дѣйствительно, вышли извѣстные номера, блистательно оправдавъ суевѣріе...

Путеводной звѣздой для игроковъ служить особая книга „сморфія“, въ родѣ сонника. Народъ приписываетъ многимъ лицамъ, въ особенности монахамъ, знаніе выигрышныхъ номеровъ, и были случаи, а именно на югѣ, гдѣ такихъ людей держали взаперти и даже пытали, чтобы вытянуть у нихъ номера „вѣрной“ терны!..

О „хорошемъ номерѣ“ молятся всѣмъ святымъ.

Суевѣрныя женщины ночью идутъ на кладбище и на колѣняхъ умоляютъ души умершихъ помочь имъ выиграть...

Тиражъ происходитъ каждую субботу

послѣ полудня, въ Римѣ, на балконѣ канцеляріи лото, во дворѣ, на Біа делль Умилта, недалеко отъ квиннала. Самые нетерпѣливые игроки могутъ здѣсь скорѣе всего узнать, что они... ничего не выиграли. Рѣдко можно здѣсь замѣтить чью-нибудь радость по поводу удачи: большинство удаляется съ вытянутыми лицами.

Подъ надзоромъ особой комиссіи, на глазахъ у публики, всѣ 90 номеровъ свертываютъ въ трубочку и бросаютъ въ вертящійся барабанъ, откуда мальчикъ изъ сиротскаго дома, съ завязанными глазами, вытаскиваетъ пять номеровъ; ихъ развертываютъ громко читаютъ и, кромѣ того, выставляютъ.

Телеграфъ и телефонъ даютъ возможность сообщить вышедшіе номера сейчасъ же въ самыя отдаленныя бюро лото, такъ что черезъ нѣсколько часовъ они могутъ выставить выигравшіе номера, а игроки могутъ сейчасъ-же дѣлать ставки на слѣдующую субботу и придумывать болѣе счастливые номера.

Кто постоянно остается въ выигрышѣ, такъ—это казна: къ концу каждой недѣли она кладетъ въ свой бездонный карманъ отъ полутора до двухъ милліоновъ лиръ, (500—700 тысячъ рублей) собранныхъ, по большей части, среди самыхъ невѣжественныхъ и бѣднѣйшихъ слоевъ населенія.

БЕРЕЖЛИВОСТЬ МАТЕРИ НАПОЛЕОНА I.

Когда Наполеонъ былъ уже генераломъ и получилъ порученіе укрѣпить побережье Средиземнаго моря, онъ поселилъ свою мать въ маленькомъ приморскомъ городкѣ Антибахъ, неподалеку отъ своей главной квартиры. Г-жа Летиція и здѣсь сохранила свои простыя привычки. Много еще лѣтъ спустя старики въ Антибахъ вспоминали, какъ на глазахъ у нихъ мать императора собственноручно стирала

Вогно-плавательная школа въ Прагѣ.

Прыжокъ въ воду лейтенанта Писаровича съ 6 метровъ въ полной походной формѣ.

бѣлье въ рѣчкѣ, протекавшей по-близости отъ ея жилища. Насколько, вообще, была велика нужда въ семьѣ Наполеона, видно изъ нѣкоторыхъ его писемъ въ бытность его лейтенантомъ. Въ одномъ изъ нихъ Наполеонъ жалуется матери, что она все еще не отдала взятыхъ у него 6 франковъ... Когда онъ былъ въ офицерской школѣ, мать сама шила ему все бѣлье и одежду, но деньги на пересылку пакетовъ съ этими предметами долженъ былъ высылать самъ Наполеонъ. Зато онъ и остался долженъ за стирку своей парижской прачкѣ... Когда Летиція стала „императрицей-матерью“, ея бережливость приняла комическія формы. „Во время своего пребыванія въ Парижѣ“,—говоритъ въ своихъ мемуарахъ камердинеръ Наполеона, Константъ,—„г-жа Летиція, отправившись однажды въ модный магазинъ на улицѣ Мдано, вышла, не доѣзжая до входа въ лавку, изъ боязни, что приказчики, увидѣвъ ея экипажъ, начнутъ ее обшчитывать. Въ другой, купивъ полотна на рубашки, она заперлась въ своемъ кабинетѣ и собственноручно перемѣняла купленное полотно, чтобы бѣлошвейка ничего не могла утаить въ свою пользу... Предѣлы представительства ограничивались Летиціей до послѣдней крайности. Во время пріемовъ вмѣсто всякаго освѣщенія на каминѣ императрицы слабо мерцалъ тощій канделябръ. Свѣчи поспѣшно тушились тотчасъ по уходѣ посѣтителей; а

какъ только слышался стукъ подъѣзжавшаго экипажа,—свѣчи столь же поспѣшно зажигались для новаго пріема. Такъ бывало нѣсколько разъ въ одинъ вечеръ... Константъ, видимо, не желаетъ прибавить, что, благодаря своей „смѣшной“ бережливости, Летиція могла снабдить Наполеона нѣсколькими сотнями тысячъ франковъ, когда онъ отправлялся на Эльбу, и обезпечить существованіе остальныхъ своихъ дней, когда вслѣдъ за грезами о королевскомъ тронѣ для нихъ наступило столь печальное пробужденіе.

Новый видъ спорта.

Римскіе велосипедисты изобрѣли новый, далеко небезопасный видъ спорта, который къ тому же преслѣдуется не какъ не могущей его переварить полиціей.

Нѣкоторые любители сильныхъ ощущеній пріобрѣли смѣлое обыкновеніе спускаться съ паперти большихъ римскихъ храмовъ на велосипедѣ.

Несмотря на особенную зоркость полицейскихъ стражей, всегда оказываются

Новый видъ спорта.

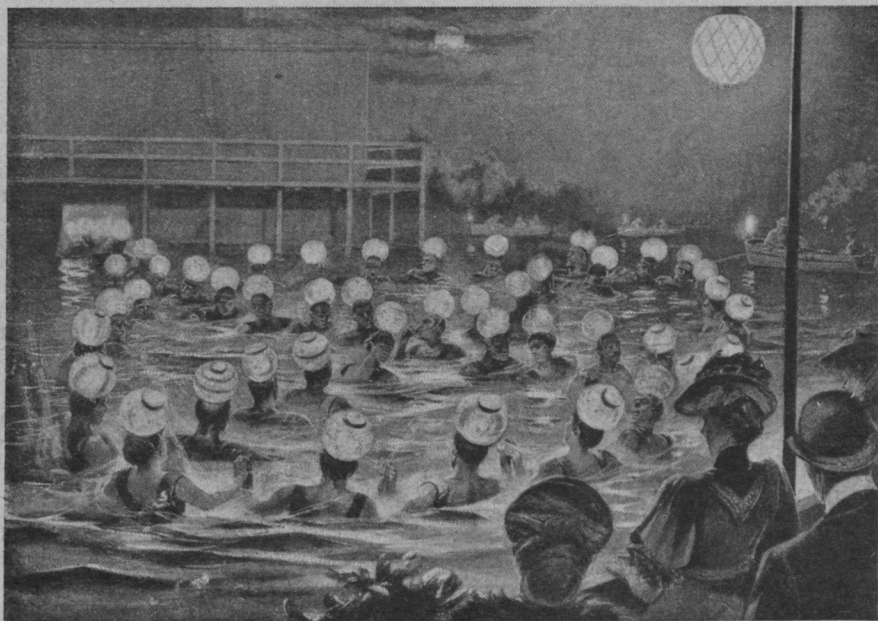
Спускъ на велосипедѣ съ лѣстницы храма Св. Троицы.

на-лицо нѣсколько такихъ спортсменовъ, которые и несутся на своей „машинѣ“ со ступеньки на ступеньку, къ вѣщему удовольствію публики. Особенно прославился такими подвигами нѣкто Мандрulli, который съѣхалъ на велосипедѣ по огромной лѣстницѣ храма Св. Троицы, что и изображено на нашемъ рисункѣ, а теперь думаетъ о лѣстницѣ въ Капитолии...

Новѣйшій видъ „водяного“ факельцуга.

Во время одного изъ торжествъ въ берлинскомъ „клубѣ плаванія“ былъ изобрѣтенъ новый видъ факельцуга, на который, вообще, нѣмцы большіе охотники. Члены клуба, мужчины и дамы, съ зажженными китайскими фонарями на головахъ, попарно всплыли изъ клубской купальни на рѣчной просторъ, усаженный парходиками и лодками съ любопытствующей публикой. По знаку, данному командиромъ клуба, импровизированные пловцы-фонарики начали рядъ эволюцій, причемъ ихъ свѣтящіяся головы располагались въ такомъ порядкѣ, что образовывали живописныя геометрическія фигуры. Публика дружно аплодировала ловкачамъ.

Новѣйшій видъ „водяного“ факельцуга.